

Искушение

Чтение Евангелия можно сравнить с восхождением на Эверест: издалека белоснежные вершины вызывают восхищение, но по мере приближения к ним непривыкший человек начинает испытывать нарастающую тревогу и дискомфорт. Тому, кто слышал о Христе краем уха, Его учение кажется романтическим рассказом о свободе, любви и всепрощении. Но тот, кто честно попытается построить свою жизнь по Евангелию, скоро убедится: этот «маршрут» относится к высшей категории сложности. В словах Спасителя можно встретить такие истины, принять которые оказывается крайне трудно.

В работе под названием «Сумерки идолов» Ницше писал: «Некогда из-за глупости, заключающейся в страсти, объявляли войну самой страсти: давали

клятву уничтожить её... Самая знаменитая формула на этот счёт находится в Новом Завете: “если око твоё соблазняет тебя, вырви его” – к счастью, ни один христианин не поступает по этому предписанию... Церковь побеждает страсть вырезыванием во всех смыслах: её практика, её “лечение” есть кастрация».

Логика немецкого философа проста: христианское учение враждебно жизни, но его носители продолжают жить, ибо они лицемеры.

В действительности все гораздо сложнее. Быть может, Ницше не знал этого, но слова «вырви и отбрось от себя» буквально исполняли те, кто входил в секту скопцов, основанную Кондратием Селивановым в XVIII веке. И вот какое дело: практика именно этой секты показала, что так называемая «первая печать», или оскотление, не приводит к подлинному целомудрию. Человек, лишенный физической возможности блудить лично, очень скоро убеждается в том, что можно разжигаться, наблюдая за тем, как это делают другие. И вот уже глаз – совсем другая часть тела – становится причиной все того же соблазна. Его, конечно, тоже можно удалить, но и это не отнимет возможности грешить, предаваясь сладострастным фантазиям и воспоминаниям.

Первыми слушателями Нагорной проповеди были жители древнего Израиля, то есть религиозно просвещенные люди, которым был знаком опыт воздержания. А потому, слушая о «глазе и руке», соблазняющих человека, они прекрасно понимали, что причину соблазна следует искать совсем не в теле.

Может быть, «соблазняющим глазом» аллегорически называется душа? Но душу невозможно вырвать и отбросить от себя. Так о чем все-таки говорит Христос?

Тому, кто изучал экономическую теорию, известно два латинских термина: «инфляция» и «девальвация». По сути, оба слова с разных сторон описывают один и тот же процесс обесценивания денег. В культуре время от времени тоже происходит подобное обесценивание – только вместо денег девальвируются человеческие поступки. Если какой-либо грех становится массовым и распространенным, то в глазах людей он «теряет вес», начинает восприниматься как безобидная шалость. Как и в экономике, девальвация здесь может быть скрытой или официальной. В последнем случае грех допускается уже на уровне традиции или закона.

Человек действительно способен убедить себя в том, что грех – это не страшно. Ложная культура помогает нам забыть. Однако оптимизм страуса не способствует выживанию и не содействует спасению. Поэтому в Евангелии появляются суровые слова: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф.18:9). Здесь Спаситель указывает нам на подлинную, а не спекулятивную цену греха. Он словно говорит легкомысленным людям: «Не обманывайтесь: грех – это катастрофа. Мир устроен так, что лучше лишиться глаза или руки, чем поддаться искушению».

В житиях святых есть рассказ о Зое, девушке «без комплексов», которая жила в конце IV века в Кесарии. Однажды она пиროвала с приятелями. Речь зашла о христианах. Между прочим вспомнили монаха Мартиниана, подвизающегося неподалеку в палестинской пустыне. «А что, он, должно быть очень стар, этот ваш Мартиниан?» – спросила Зоя. «Какое там! Ему нет еще сорока лет!» – отвечал кто-то. «Хотите пари? Я низложу вашего подвижника!» – смеясь, предложила Зоя.

Ночью под видом странницы девушка пришла к Мартиниану, прося ночлега. Монах впустил ее, так как погода была ненастная. Под утро гостя переоделась в дорогую одежду и приступила к исполнению своего плана. Посмотрев на нее, Мартиниан вышел из келлии, зажег костер и встал босыми ногами на пылающие угли. Какое-то время он терпел молча, но

потом не выдержал и закричал: «Трудно тебе, Мар-
тиниан, терпеть этот временный огонь, как же ты бу-
дешь терпеть вечный огонь, приготовленный тебе
дьяволом?» Этот вопль потряс Зою до глубины ду-
ши. Она раскаялась и позже удалилась в монастырь в
Вифлееме.

Исцелившись от ожогов, святой Мартиниан посе-
лился на необитаемом скалистом острове, где его из-
редка навещал друг-корабельщик. Однажды во вре-
мя сильной бури неподалеку от острова разбился ко-
рабль и волны выбросили на берег девицу. Святой
Мартиниан помог ей выбраться на остров. «Оставай-
ся здесь. Вот хлеб и вода, а через два месяца приедет
корабельщик» – с этими словами Мартиниан бро-
сился в море и поплыл прочь.

Для того, чтобы прочувствовать страх подвижника
перед грехом, который многие из нас совершают
легко и привычно, стоит отчетливо представить себе
этот эпизод: человек говорит со спасенной им жен-
щиной, затем просто поворачивается и уходит в бу-
шующую пучину – как мы, попрощавшись с прияте-
лем, спускаемся в метро.

«Лучше умереть, чем согрешить». Так оценивали
грех святые. Средневековый человек боялся Бога
больше, чем князя. Современник, наоборот, полага-
ется уже на социальные силы и власти, именно их
считая подлинной реальностью. Зло в представле-
нии гуманиста – это не более, чем вред ближнему. «А
потому, – считает он, – я могу делать все, что мне
удобно до тех пор, пока это не мешает другим». Само
понятие «грех» в гуманистическом мире кажется ар-

хаичным и перестает что-либо обозначать; место «покаяния» в лексиконе занимает «извинение» или «возмещение ущерба».

В этом мире живет и Церковь. Человек, входящий в Нее, задается вопросом: «Освободился ли я от мира? Как узнать, стал ли я вполне христианином?» Узнать это проще, чем кажется: мир сам ежедневно дает нам не один повод решить этот вопрос со всей определенностью. Он и сейчас вкрадчиво вопрошает из глубины своих удовольствий: «Что тебе лучше – умереть или согрешить?»

Сергей Мазаев

Преподаватель МДА (философская апологетика)

Преподаватель ПСТГУ (логика)

*Кандидат философских наук
Публикации на сайте «Православие.Ру»:*

